

Телохранитель
Евгения Охотникова

МАРИНА СЕРОВА

Я тоже стану
стервой

ЭКСМО

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Я тоже стану стервой

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Я тоже стану стервой / М. С. Серова — «Научная книга»,
2007 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Преуспевающая бизнес-леди Мария Лоханкина обеспокоилась будущим своего великовозрастного сыночка Павлушки. Мальчик красив, богат и так наивен! Глазом не моргнешь – охомутают. И наняла любящая мамаша бодигарда Женю Охотникову, посулив ей сумасшедшие деньги. За меньшие знаменитый телохранитель не соглашалась нянчиться с великовозрастным болваном, охраняя его от посягательств наглых девиц. Женя, разумеется, и предположить не могла, во что она ввязалась...

© Серова М. С., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Я тоже стану стервой

ГЛАВА 1

Я уже давно караулила эту муху, которая прочно облюбовала мой лоб в качестве посадочной площадки и упорно приземлялась на него, когда я закрывала глаза. Однако поймать ее мне не удавалось, поэтому в конце концов я сдалась, перевернулась на бок и с головой закуталась в одеяло. Но спустя 2 минуты мне стало нестерпимо жарко и душно. Из-под одеяла пришлось выбраться, чем немедленно и воспользовалась настырная муха. На этот раз она принялась ползать по моей ноге. Не выдержав, я вскочила с кровати и, вооружившись первым попавшимся журналом, принялась гоняться за вьедливим насекомым. Впрочем, муху я так и не прихлопнула, зато шум произвела изрядный. И вот, когда я, вконец обозленная, стояла на стуле и свирепо колотила журналом по невинной люстре, в комнату вошла тетя Мила.

– Ой, Женечка, – всплеснула она руками. – Что это ты такое затеяла с утра пораньше?

– Сафари, – буркнула я, слезая на пол и швыряя свое бесполезное оружие на кровать.

Тетя Мила недоверчиво покачала головой, но спорить со мной не стала. Подошла к моей постели, расправила журнал и положила его на тумбочку.

– Ой, Женя-Женя, замуж тебе надо, – вздохнула тетя Мила. – Может, поспокойнее будешь. Да и пора уже.

– Тетя Мила, – процедила я. – Мы ведь давно уже выяснили – этот вопрос не обсуждается.

– Ну, как знаешь, – и тетя ушла на кухню.

Я посчитала вопрос исчерпанным. Однако за завтраком тетя Мила вернулась к теме спокойной семейной жизни.

– Ты помнишь мою знакомую, Марию Андреевну? – спросила она.

– Нет, – уверенно ответила я, увлеченно поглощая салат. Салат источал божественный аромат свежих огурчиков и еще какой-то необычной приправы. Тетя Мила являлась поистине великим специалистом по части всяческих приправ.

– Ну конечно, откуда тебе ее помнить. Так вот. Она, Маша, бизнесменша. Целый ряд ларьков на нашем рынке держит. И дела у нее хорошо так идут.

– Я искренне за нее рада, – не отрываясь от еды, заверила я. – Можешь передать ей мои поздравления. И привет заодно.

– Женя, ты послушай меня. Только сразу не кричи и не отказывайся, сначала подумай. У Маши два сыночка есть. Она уж над ними хлопочет, пылинки-былинки с них сдувает. Прямо не нарадуется на них. И тут ей что-то тревожно стало, какое-то предчувствие, что ли, появилось. В общем, материнское сердце не обманешь...

– Тетя Мила, а можно покороче?

– Хорошо. Короче, Маша ищет для сынишек няньку.

– Ну, а я-то тут при чем? Или... – я искренне возмутилась. – Неужели ты решила, что из меня выйдет хорошая нянька?

– Тихо, тихо, – перепугалась тетя Мила. – Я же просила тебя сначала дослушать до конца. Ей не совсем нянька нужна. То есть окружающие должны думать, что это нянька, а на самом деле ей нужен ни много ни мало, а телохранитель. Для сыночков. Вот я и подумала, может, ты согласишься? Поживешь в ее семье, с детишками повозишься... А там, глядишь, может, и своих захочешь.

И тетя Мила трогательно, хотя и несколько театрально, вздохнула.

– Тетя Мила! Я и детишки – понятия несовместимые!

– Ну погоди, погоди... Послушай.

Минут двадцать тетя Мила расписывала мне прелести работы няньки-телохранительницы. Работа – с ее точки зрения – была не пыльная. Более того, эта работа – опять-таки, с ее точки зрения – могла оказать на меня крайне благоприятное влияние и разбудить во мне тягу к семейной жизни. Разумеется, мне эти аргументы показались неубедительными. Но, с другой стороны, платить тетя Маша обещала щедро, а мне как всегда позарез нужны были деньги. И, в конце концов, никто же не заставит меня вечно заниматься подобной ерундой? Поработаю немного, а как надоест – уйду.

В общем, я согласилась. Взяла адрес Марии Андреевны и поехала знакомиться с фронтом работы.

Попетляв по Тарасову на своем верном «Фольксвагене», проклиная жару, обрушившуюся на город в конце апреля, я отыскивала нужный адрес. Семейство Марии Андреевны проживало в новом блочном доме, на пятом этаже, в просторной четырехкомнатной квартире. Едва я переступила порог, как мне под ноги выкатилось мохнатое существо пыльно-коричневого цвета и уверенно вцепилось в мои кроссовки.

– Здравствуйте, Женечка, – расплылась в улыбке хозяйка, не обращая ни малейшего внимания на то, что мою ногу грызет пудель. – Проходите, проходите...

– Извините, а как это снять? – поинтересовалась я, указывая на собаку.

– Ах, Веточка. Это Веточка, моя девочка. Моя девочка сладкая, – засюсюкала Мария Андреевна. Наклонилась, отцепила пуделя от моей ноги, поднесла его к лицу и принялась страстно целовать в слюнявую морду. – Веточка вам так обрадовалась.

Интересно, если подобное поведение собаки считается в этом доме проявлением гостеприимства, то что же мне ждать от детишек? Почему-то на ум мне пришел рассказ О. Генри «Вождь краснокожих». К чему бы это?

– Мне ничего не говорили о наличии в доме собаки, – на всякий случай заметила я.

– Какая собака? Веточка – она мне как доченька.

Я пожала плечами. Доченька так доченька. Остается только надеяться, что сыночки не окажутся парочкой тренированных бультерьеров. И я прошла вслед за хозяйкой в светлую гостиную. Даже странно, как этой гостиной удалось остаться светлой – на четырех стенах я насчитала аж пять совершенно не сочетающихся по цвету ковров. Один ковер был ярко-синим, другой – коричневым, еще один – бледно-салатовым, остальные два были красными. Пол же покрывал ковер фиолетового цвета. Возможно, так светло в гостиной было от неимоверного обилия хрустальных предметов? Ладно, интерьер – дело вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят.

Мария Андреевна оказалась массивной, полногрудой, довольно красивой брюнеткой в самом, что называется, расцвете сил. Ее длинные, пышные волосы были убраны в старомодный пучок. Чуть раскосые ярко-бирюзовые глаза смотрели на меня хитро и одновременно властно.

– Женечка, садитесь, – не выпуская из левой руки девочку Веточку, правой она решительно усадила меня на кожаный диван сиреневого цвета и плюхнулась рядом. – Женечка, я буду с тобой на «ты». И давай сразу договоримся, что ты будешь звать меня тетя Маша.

– Хорошо, тетя Маша.

– И сразу оговорю одно важное условие – в моем доме нельзя курить. Знаешь, как говорится: «Оградите детей от табачного дыма».

– Без проблем. Я и сама не выношу табачный дым, – тут я немного покривила душой. На самом деле до недавнего времени я принадлежала к армии курильщиков. Но я твердо решила бросить. Эта затея давалась мне, скажем честно, не очень хорошо. Поэтому в условиях тети Маши были и положительные моменты. Может быть, возясь с детишками, я смогу наконец позабыть о своей пагубной привычке?

Все это время я прислушивалась, надеясь обнаружить присутствие своих будущих подопечных. Но, похоже, кроме нас с тетей Машей в квартире никого не было. Вместе с девочкой Веточкой хозяйка подвинулась ко мне чуть ближе, и я ощутила неприятный запах псины.

– Знаешь, Женечка, я ведь наслышана о тебе, – тетя Маша заговорщически мне подмигнула, а девочка Веточка зарычала. Может, она так выражает восторг? – Я не знаю, в курсе ли твоих занятий Мила, поэтому ничего такого не стала ей говорить. На самом деле мне про тебя рассказал Петрович, директор нашего рынка. Ты вроде то ли ему самому, то ли кому-то из его родственников когда-то помогла. Ну, неважно. А я потом лишь сообразила, что ты Милина племянница. Ну я ей – ни слова. Я секреты хранить умею.

– Так что мне нужно делать-то? – довольно невежливо перебила я.

– Тут дело серьезное. Не то что Петрович с его вечными бандитскими разборками. Здесь уровень гораздо выше, – шепот тети Маши стал зловещим, а девочка Веточка, устав рычать, перешла на учащенное хриплое, отнюдь не свежее, дыхание.

Во что же собирается меня втянуть тетя Маша? Что в ее понятии «уровень выше бандитских разборок»? Предотвращение терактов? Передача секретной информации зарубежной разведке? Контакт с инопланетянами?

– Я вас очень внимательно слушаю, – заверила я.

– У меня два сыночка. Две крошки, два невинных ангелочка, – тетя Маша смахнула несуществующую слезинку. – Единственная радость, единственный лучик надежды в грядущей старости...

– Ну, говорите. Вас кто-то шантажирует? Вы подозреваете, что мальчиков могут похитить? Вы получали письма с угрозами?

– Да, да, Женечка. Все верно говоришь – могут похитить, могут у меня отнять, – тетя Маша опустила голову, всхлипнула и прижала руку к груди. – Особенно старшенького, Павлушку. Прямо сердце не на месте. Трясется, как овечий хвост.

– Старшенького? – удивилась я. – Знаете, по опыту могу вам сказать, что проще похитить младшего ребенка.

– Митюшку? Митюшка еще слишком мал, – махнула рукой тетя Маша и отпустила, наконец, девочку Веточку. Пуделиха сноровисто спрыгнула с дивана, решительно подошла ко мне и, обхватив мою ногу передними лапами, принялась совершать отнюдь не дамские движения.

– Тетя Маша, простите, а нельзя ли убрать собаку? – поинтересовалась я, безуспешно делая попытки сбросить любвеобильную девочку Веточку.

– Веточку? Зачем? Ты ведь ей понравилась.

– Знаете, я просто в подобных случаях предпочитаю людей. Мужского пола.

Тетя Маша смерила меня недовольным взглядом, но пуделиху все же забрала.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Так мы остановились на вашем младшем сыне. Почему вы считаете, что он в большей безопасности, чем старший?

– Митюшка? Так он совсем еще крошка. Нет, за него я пока не беспокоюсь. А вот Павлушка...

– Нет, постойте. Могут похитить и младенца. Это даже проще. Кстати, где сейчас ваши дети? В подобной ситуации я бы не советовала оставлять их без присмотра.

– Нет, не проще, – возразила тетя Маша.

Она хотела еще что-то сказать, но тут хлопнула входная дверь, послышался какой-то шум. Девочка Веточка с истеричным лаем сорвалась с места и помчалась в прихожую.

– Эй, есть тут кто? – прокатился по квартире чей-то басок. – Пожрать есть?

– Да, – согласился басок тоном выше, – жрать хотца, аж печенки сводит.

Я тревожно посмотрела на тетю Машу. Собираясь на собеседование, я не взяла с собой ничего из оружия. Конечно, в моей практике было много случаев, когда я вполне справлялась с противником и голыми руками, но пистолет, он и в Африке пистолет, он надежнее. Однако

тетя Маша не проявила никакого беспокойства, а лишь расплылась в счастливой материнской улыбке.

– Сыночки пришли. Кушать хотят. Будешь с нами обедать?

Обедать в этой семье было принято на кухне, такой огромной, что она вполне могла сойти за столовую. В центре кухни размещался круглый стол, за которым без малейших неудобств могло бы поместиться человек двадцать. Стол покрывала красивая вышитая скатерть с длинными шелковыми кистями, свисающими до пола. По периметру кухни располагались застекленные шкафы, под завязку набитые фарфоровой посудой. Я не слишком большой специалист в этой области, но, похоже, часть посуды была антикварной.

Уселась за общий стол я не из-за того, что проголодалась, а просто чтобы наконец понять, что же хочет от меня тетя Маша. Хотя, по-честному, больше всего мне сейчас хотелось вежливо отказаться от предложения. Но профессиональная гордость все же взяла верх – нельзя так сразу отказываться, толком и не разобравшись. Да и деньги обычно играют отнюдь не последнюю роль. Поэтому я осталась и теперь украдкой разглядывала сыновей тети Маши. Сама она суетливо разогревала обед, сынки же с терпением и благочестием выпускников духовной семинарии покорно ждали кушаний. Попыток помочь матери они не предпринимали.

– Ты кто такая? – лениво поинтересовался у меня один из братьев, здоровенный детина в шортах и простецкой майке без рукавов. Ему было года двадцать два. Руки детина положил перед собой, и я с удивлением отметила, что кулаки у него размером с голову двухгодовалого ребенка. Впрочем, лицо у детины было довольно красивым. Такие же, как у матери, ярко-бирюзовые глаза, прямой нос, четко очерченный рот. Волосы светлые, вьются. Наверное, цветом волос пошел в отца.

– Меня пригласила ваша мать, – уклончиво пояснила я.

– А на фиг?

– У нее было ко мне предложение, которое мы не успели обсудить.

– А, ну ясно. А чё за предложение?

– Ну, она вроде хотела нанять меня... – я задумалась, – гувернанткой.

– Чё? А на фиг? Она и сама прекрасно готовит.

– Не, Пал, – вступил в разговор младший брат. В принципе он был почти точной копией старшего. Просто это была несколько уменьшенная копия. – Это повариха готовит. А гувернантка... Гувернантка, она... Она что-то другое делает.

– Гувернантит, – блеснул познаниями Павлушка и принялся увлеченно копаться в своей обширной ноздре.

– Наверное. Слушай, ну просвети, что есть «гувернантка»? – обратился ко мне Митюшка.

– Нянька! – не выдержала я.

– Чё? – изумился Павлушка. Так изумился, что даже забыл вытащить палец из носа. – А на фиг нам нянька?

Митюшка тем временем чуть приподнялся со стула и с интересом оглядел меня.

– А мне нравится, – протянул он. – Чё, классная нянька. Мамка чудо – наняла нам няньку.

Почему-то мне показалось, что братишки так и не поняли, что обычно входит в обязанности няньки, но я решила промолчать. Так сказать, до выяснения обстоятельств.

Наконец обед был разогрет, и тетя Маша принялась заставлять стол всевозможными яствами. В меню значилось бессчетное количество закусок, два вида первого, шесть второго, а также несколько десертов. Хозяйка дома уселась за стол, и все трое – то есть она и сынишки – принялись поглощать еду. Мне же почему-то есть совсем не хотелось. Нет, все же нужно дожидаться конца обеда и вежливо отказаться от работы. Тетя Маша явно находится в плену заблуждений. Если она до сих пор видит в своих двухметровых сынишках беспомощных детишек, то она вполне может заблуждаться и по поводу грозящей им опасности. Я даже как-то не представляю себе саму сцену похищения. Это кто же рискнет похитить крошку Павлушку? Да

и в легковушку он вроде не поместится. В грузовик? Может, похитить должны Митюшку? Да он ненамного мельче. Тогда, вероятно, опасность угрожает девочке Веточке.

В этот момент я вдруг ощутила возню под столом. Затем цепкие пуделиные лапки обхватили мою икру. Нет, это уже переходит всякие границы.

– Пожалуйста, уберите собаку, – процедила я.

– Женечка, неужели ты не любишь собак? – удивилась тетя Маша.

– Люблю, – ответила я, делая тщетные попытки избавиться от пуделя и пытаясь при этом выглядеть прилично. – Но я не люблю, когда они меня слишком достают.

Митюшка откинул край скатерти и принялся с интересом наблюдать за происходящим.

– Не, ма, – пробасил он. – Ветке кобеля нужно.

– Сынуля, ну что ты такое говоришь? – нежно пропела тетя Маша. – Какой кобель? Веточка же еще девочка совсем.

– Ну вот, поэтому и нужен. Засиделась она в девках-то, – заметил Митюшка. Нагнулся, оторвал от меня псину и без раздумий сунул ее матери в руки.

Наконец, обед завершился. Шумно отрыгиваясь, братишки разошлись по своим комнатам.

– Ну вот, – сказала тетя Маша, проводив сынишек нежным взглядом. – Вот и познакомились.

– Извините, Мария Андреевна, – строго сказала я. – Видимо, мы не очень хорошо поняли друг друга. Я не нянька, я профессиональный телохранитель. К тому же вашим сыновьям нянька уже не нужна. И я за такие дела не берусь.

– Нянька не нужна, – согласилась тетя Маша. – Нужен телохранитель. Гонорар вам понравится.

И она назвала сумму. Гонорар оказался вполне достойным. Но вот только за что? Я никак не могла этого понять.

– Почему вы решили, что вашим сыновьям угрожает опасность? Вы заметили что-то подозрительное? Это как-то связано с вашей профессиональной деятельностью? Или с занятиями ваших сыновей? Чем они занимаются?

– Митюшка, он по компьютерам, – тетя Маша задумалась. – Вроде...

– Работает в компьютерной фирме? – уточнила я.

– Нет! Как он может работать? Он еще совсем ребенок! Ему же всего полгода назад восемнадцать стукнуло.

– Хорошо, – кивнула я. – Значит, он учится на компьютерщика?

– Нет. Ну зачем же так сразу учиться? Он еще от школы не отдохнул.

– Тогда как он связан с компьютерами?

– Ну как? Сидит, играет. Духовно развивается. Но ему-то как раз пока ничего не грозит. В опасности Павлушка.

– Если честно, он не показался мне напуганным. Чем он-то занимается?

– Павлушка... – мечтательно улыбнулась тетя Маша. – Павлушка – наша гордость. Он ищет себя.

Ищет себя... Замечательно. Любимое оправдание всех бездельников – и звучит красиво, и ни к чему такому не обязывает.

– И что? Так и не нашел? – усмехнулась я.

– Это не так просто, – совершенно серьезно сказала тетя Маша. – Достойной работы пока нет. А что, на всякое дерьмо кидаться? У меня денег предостаточно, пусть Павлушка не торопится. А то знаешь, как бывает? В какую-нибудь бандитскую фирму устроится – и все, пиши пропало. Сейчас кругом одни жулики. Сами-то миллионов наворуют, а на Павлушку все спишут. А он такой наивный... Нет, работа...

«Не волк, в лес не убежит», – мысленно продолжила я. Но тетя Маша сказала иное:

– Работа требует тщательного выбора. И в таких вещах спешить не стоит.

– Если вы опасаетесь мошенников, то можно пойти работать на госпредприятие. На завод, на фабрику, – предложила я.

– Куда? – брезгливо сморщилась тетя Маша. – Ну ты сказала... Ты Павлушку ведь видела! Ну видный же парень, красавец! Да ему этот, Шварценеггер, в подметки не годится! А ты на завод его определить собираешься. Да у меня уже есть один такой заводской – Гошка, муженек мой. Какие-то шестеренки стругает с утра до ночи, а копейки приносит. Ни рожи, ни кожи, плюгавый совсем. Даже на людях вместе показаться стыдно. Нет, Павлушка – он другой. У него будущее.

Лицо тети Маши стало горделиво-возвышенным. Наверное, именно с такими лицами матери наших первых космонавтов провожали своих сыновей в бескрайние просторы космоса.

– Ладно, – сказала я. В конце концов, это личное дело Марии Андреевны. Хочется ей до конца своих дней содержать сыночков, пусть содержит. – Вернемся к делу. От кого вы ждете опасности? Вероятно, это связано с вашей собственной профессиональной деятельностью?

– Нет, нет, ну как ты не поймешь, Женечка! Павлушке же двадцать лет на днях стукнуло!

– А это что, какой-то опасный возраст?

– Конечно!

– И в чем опасность? – осторожно спросила я. Надеюсь, тетя Маша не заметит, что я ничего не понимаю в ее страхах.

– Глупая ты девчонка. Он же может жениться!

– И что? Пусть женится. Рановато, конечно, но если ему вдруг захочется... Законом не запрещено.

Тут тетя Маша ахнула, всплеснула руками, вскочила со стула и принялась носиться по кухне. Девочка Веточка приняла правила игры и стала увлеченно путаться у хозяйки под ногами.

– Женится!.. Женится... Да как у тебя язык-то повернулся такое мне сказать?! На ком женится? Знаешь, сколько прохиндеек вокруг Павлушки увивается! Не счесть! Он парень-то видный, красивый! И богатый, между прочим. Глазом не моргнешь – охомутают! А он такой наивный, сыночек мой, сынуля. Может случайно какую-нибудь потаскушку и обрюхатить. И что тогда? Делить состояние? Я свои деньги не для этого потом и кровью зарабатывала!

– А... – до меня наконец-то стало доходить. – Так вы хотите нанять меня, чтобы я не позволила Павлушке кого-нибудь случайно обрюхатить? Сложная задача. Всемирная история нам подсказывает, что обычно это как раз и происходит случайно.

Я поднялась со стула.

– Ну так как, Женечка, – тетя Маша умоляюще протянула ко мне руки. – Ты согласна?

– Смеетесь? Разумеется, нет. И как вам в голову такое пришло? Если вам действительно про меня рассказывали, то вы должны были понять, что я не занимаюсь подобной ерундой. Было приятно познакомиться. И спасибо за обед.

Я развернулась и пошла к двери. Девочка Веточка угрожающе зарычала и бросилась мне наперерез. Наконец-то я получала моральное право пнуть эту настырную псину. Но не успела я это самое право реализовать, как сзади прозвучали поистине магические слова:

– Я увеличу гонорар в пять раз.

Поднятую для пинка ногу я опустила. В пять раз... Как-то так все время получается, что наличных денег – впрочем, как и безналичных – у меня не бывает. Конечно, зарабатываю я неплохо, но копить не умею, моментально все просаживаю. Хотя задание в этот раз мне предлагают уж совсем несолидное. Зато гонорар солидный. Может, попробовать? Главное, чтобы об этом никто не узнал. А то конец моей репутации. «Женя, скажите, чем вы занимались в прошлый раз?» – «Ах, у меня было сложнее задание! Держала свечку одному оболтусу». Нет, это никуда не годится.

– Мы с вами официально оформим договор, – строго сказала я. – И в нем должно быть четко указано, что вы нанимаете меня именно телохранителем для своего сына.

– Конечно, Женечка, конечно, – обрадовалась тетя Маша. – Все, как ты скажешь.

– И потом... Я же не могу вечно ходить за вашим сыном. В конце концов, он живой человек. Нельзя же его всю жизнь ограничивать в... В естественных потребностях.

– Нет, конечно, не всю жизнь. У Павлушки уже есть невеста. Просто он о ней пока не знает.

– Как у вас интересно все устроено, – протянула я.

– Да все как у людей. Есть невеста, есть. Лилечкой зовут. Но она пока за границей учится. Очень выгодная партия. Я с ее родителями с детства знакома. Вот Лилечка вернется, тогда и свадьбу сыграем.

– А Лилечка-то в курсе?

– Да какая разница! Кто ее спрашивать будет?

Да, действительно, какая разница? И какое мое дело?

– И когда вернется Лилечка? – уточнила я.

– Скоро, скоро уж должна. Через пару месяцев.

Я вздохнула.

– Хорошо. Буду хранить тело вашего сына от посягательств. Но договор мы подпишем у нотариуса. Это важно для меня.

– Да без вопросов. И еще, Женечка. Павлушка не должен знать, от чего ты его охраняешь, – тетя Маша улыбнулась виновато и хитро.

– Сделаю все от себя зависящее, чтобы об этом вообще никто никогда не узнал, – заверила я.

ГЛАВА 2

На следующее утро я приступила к исполнению своих обязанностей. Тетя Мила была в неописуемом восторге от того, что я наконец-то взялась за ум и решила заняться чем-то полезным. Правда, ее немного огорчило, что мне придется несколько месяцев жить у чужих людей. Зато она явно уверовала в то, что по окончании этого срока я вернусь в родной дом с непреклонным желанием завести собственную семью. Естественно, я не стала посвящать тетю Милу в детали. Пусть думает то, что ей нравится. И мне спокойнее, и ей приятнее.

Для начала мы с тетей Машей подписали у нотариуса договор на предоставление услуг телохранителя. Потом вернулись в уже известную мне четырехкомнатную квартиру. Нужно было как-то объяснить Павлушке, почему я отныне обязана следовать за ним по пятам. Но это тетя Маша взяла на себя. Особо не мудрствуя, она пояснила старшему сыну, что я его гувернантка и что в мои обязанности входит следить за его поведением в любой обстановке и попутно обучать хорошим манерам. Честно говоря, я и в собственных манерах была не вполне уверена, но если сравнить их с Павлушкиными... Да, пожалуй, я могла бы его чему-нибудь научить.

Для проживания мне выделили небольшую комнатку рядом с кухней. В принципе это была даже не комнатка, а кладовка с облицованными простой голубой плиткой стенами. В ней впритык помещались кушетка, маленькая, выкрашенная коричневой масляной краской тумбочка и вешалка для одежды. Вначале у меня закрались недобрые предчувствия, что эта кладовка раньше служила опочивальней девочке Веточке. Но тетя Маша развеяла мои подозрения.

– Вот на какие неудобства ради сына иду, – заявила она, торжественно бросая на кушетку стопку чистого постельного белья. – Придется нам с Веточкой теперь потесниться.

– В каком смысле?

– Это же Гошкина комната, – пояснила тетя Маша. – Он тут спит, когда со смены возвращается. А мы с Веточкой в спальне привыкли. А теперь придется Гошку рядом с нами класть. Хотя он часто и в ночную смену остается. Порой неделями на работе пропадает. Может, и сейчас повезет. Ой, не знаю, не знаю, понравится ли это... Понравится ли это Веточке... Она ведь к простору привыкла. Но ничего не поделаешь – для дела нужно.

Я мысленно прикинула планировку квартиры. Ее я осмотрела еще вчера.

Огромный холл, плавно переходящий в гостиную. Смежная с гостиной спальня тети Маши и девочки Веточки – метров двадцать, не меньше. Еще две комнаты, где живут братья. Большая кухня. И вот эта маленькая кладовка, видимо, задуманная строителями как прачечная. Неужели тетя Маша не смогла подыскать своему супругу более уютного местечка? Впрочем, это не мое дело.

– Ну как? – радостно спросила тетя Маша, наблюдая, как я развешиваю на вешалке свои вещи. – Не тесно?

– Нормально. Я могу жить и в довольно скромных условиях. Скажите, а электрическая розетка здесь есть?

– Да, да, конечно. Надо только чуть-чуть тумбочку отодвинуть.

– Ну и отлично.

День прошел спокойно. Тетя Маша уехала на рынок проверить, как идут ее коммерческие дела. Братишки же, проснувшись около трех часов, плотно позавтракали (или пообедали? Тут сложно понять) и отправились заниматься своими делами. В смысле Митюшка ушел обратно в свою комнату и засел за компьютер, а Павлушка, развалившись на кожаном диване в гостиной, приступил к просмотру телепередач. Телевизор у тети Маши являл собой огромную жидко-

кристаллическую панель, занимающую полстены. Надо будет мне обязательно потом купить такой же. В качестве компенсации тете Миле за неосуществившуюся мечту о моем замужестве.

Надо все же как-то выполнять возложенные на меня обязанности. Я не привыкла получать деньги за ничегонеделание. Я многозначительно откашлялась.

– Павел!

– Чё?

– Для начала я бы хотела заметить, что юноша не должен появляться в гостиной неглиже. Тем более в присутствии дамы.

– Чё?

– Оденься, пожалуйста.

Павлушка внимательно осмотрел свое массивное тело, обнаружил трусы, поддел пальцем резинку и продемонстрировал ее мне.

– Ну, ты напугала! Я уж подумал, что и впрямь забыл одеться! Вот, трусы-то есть!

– Этого недостаточно.

– Это почему? Мне и в трусах-то жарко. И если б не ты, я бы...

– Пожалуйста, не продолжай, – я поморщилась. Неужели кто-то действительно считает, что воспитание детишек – приятное занятие?

– Слышь, Евгеша, можно я тебя так звать буду?

– Нет, – строго сказала я. – Ты должен называть меня Евгения Максимовна.

– Да я в жизни не выговорю, – виноватым баском пожаловался Павлушка. – Давай я буду звать тебя Евгеша. Мы так училку звали. Мне привычно.

– Хорошо, – согласилась я. В конце концов, официально я телохранитель, а не гувернантка. А телохранителя можно звать как угодно. Лишь бы клиенту было удобно.

– Слышь, Евгеша. А ты чё, теперь со мной все время будешь?

– Да. Это решение твоей матери. Я обязана обучать тебя хорошим манерам.

– Ну ни фиги себе... Слышь, у меня тут вечером стрелка забита.

– Пойдем вместе, – невозмутимо заявила я.

– Так меня просто не поймут, если я с тобой припрусь.

– Это почему же? Можешь сказать своим друзьям, что я твоя подружка. Я что, недостаточно хороша для тебя?

– Н-да? – Павлушка внимательно оглядел меня и радостно осклабился. – Это я обязательно на другой стрелке скажу. А сейчас не могу – я с девушкой встречаюсь.

С девушкой... Вот оно, начинается. Если честно, я не особо представляла, как мне нужно будет вести себя в случае возникновения, как бы это сказать... Оговоренного с Марией Андреевной прецедента. Ну что ж, буду вести себя по обстоятельствам. Мне и не в таких ситуациях приходилось импровизировать.

– Ну а девушке ты можешь сказать, что я твоя двоюродная сестра, – предложила я. – Старшая. Приехала из деревни погостить.

– Ну, давай, – неохотно согласился Павлушка. – Или знаешь... Может, мамке скажем, что ты была со мной, а на самом деле ты где-нибудь погуляешь?

– Нет, не выйдет.

– Я заплачу. Ты не думай, у меня бабла хватает, – предпринял мой подопечный робкую попытку подкупа.

– Нет, – как можно строже сказала я. – Я работаю на твою мать. И в мои обязанности входит следить за твоими манерами в любой обстановке и корректировать их по мере необходимости.

Павлушка трудолюбиво наморщил свой обширный лобик.

– Слышь, Евгеша, я все равно ни фиги не понял из того, что ты сказала. Ну ладно, пойдем вместе.

Стрелка, или, выражаясь русским языком – встреча, была забита, то есть назначена, около входа в центральный парк. Павлушка выглядел вполне прилично – светлые джинсы, голубая рубашка с короткими рукавами. В нагрудном кармане – мобильник, последняя модель «Nokia», на левом запястье – дорогие часы. Ничего не скажешь, самый настоящий «первый парень». Я же, согласно предписанному мне имиджу, нарядилась в строгий, чертовски неудобный костюм – жакет и прямая узкая юбка. Чувствуя себя учительницей начальных классов, я преданно стояла рядом со своим нерадивым учеником на самом солнцепеке и тихонько погибала от жары.

– Ну и где твоя подружка? – поинтересовалась я, не сводя глаз с ларька, торгующего прохладительными напитками.

– Да ща придет. Куда она денется-то? – лениво протянул Павлушка.

– В общем, так. Как придет – ни с места, ждите меня. Я пойду воды купить. Тебе взять?

– Не... Мне бы пивка.

– Пить пиво в общественных местах неприлично, – отрезала я, вспомнив о своих обязанностях. – Сейчас модно пить минералку.

– «Умиралку»? – почему-то испугался Павлушка. – Тогда лучше вообще ничего не надо.

Убедившись, что мой подопечный находится в прямой зоне видимости, я отошла к ларьку. Передо мной стояла какая-то старушка, которая выбирала шоколадный батончик так долго и так тщательно, словно она собиралась им питаться как минимум ближайшие лет десять. Поэтому времени на покупку баночки лимонада мне пришлось затратить чуть больше, чем я рассчитывала. И когда я вернулась к Павлушке, рядом с ним уже стояла расфуфыренная сверх всякой меры надменная юная блондинка в ярко-красном платье. К чести моего подопечного, попыток бегства он не предпринимал. Просто стоял и спокойно меня ждал.

– Ну, мужик, ты попал на бабки... – томно, со вкусом протянула блондинка и уставилась на меня вытаращенными голубыми глазами, в коих не было ни малейшего намека хоть на какую-либо умственную деятельность.

Я удивленно посмотрела на Павлушку.

– Да, да, смешно, – лениво заверил он блондинку. Видимо, я застала концовку анекдота, который, к сожалению, а может быть, и к счастью, прослушала. – Ну чё, девки, знакомьтесь. Это Евгеша, сеструха моя, а это Аллочка, моя девушка.

– Очень приятно, – брезгливо процедила Аллочка.

– Взаимно, – радушно сообщила я.

– Ну чё, пройдемся? – предложил Павлушка. – Только я в центре пойду. Буду как в этом, в обезьяннике.

– Чё ты несешь? – медленно проговорила Аллочка. – Не в обезьяннике – в малиннике.

– Ну точно, точно, я просто перепутал.

И мы медленно побрели в глубь парка. Но ни жаркий весенний вечер, ни расслабляющее чириканье птичек, ни парочка юных идиотов не смогли притупить мое внимание. Рефлексы, наработанные годами, не так просто усыпить. Краем глаза я заметила, что невзрачный, худенький парнишка поднялся со скамеечки и как бы невзначай пошел вслед за нами. Парнишка был в не по размеру широких джинсах и просторной толстовке. Его глаза защищали желтые антибликовые очки, а на голове была повязана бандана, поэтому цвет волос парнишки я не разобрала. Да и к чему мне его цвет волос? Кому может взбрести в голову «пасти» бестолкового увальня Павлушку? Но все же я была абсолютно уверена – парнишка в желтых очках следил именно за нами.

Во мне резко проснулись мои охотничьи инстинкты.

– Эй, Аллочка! – позвала я.

– Чё?

– Давай-ка поменяемся местами.

– А на фига?

Ну не объяснять же ей, что подобная дислокация будет для меня удобнее в случае возникновения непредвиденной ситуации?

– Мне не нравится идти на самом солнцепеке, – небрежно пояснила я. – А ты моложе и легче одета, тебе это будет проще.

– Ну ты, ваще, простая... – фыркнула Аллочка, но местами со мной поменялась.

– Ща я тебе свое любимое место покажу, – сказал мне Павлушка. – Там, дальше, прудик будет. Очень красиво, уточки плавают, и птички так поют! Прямо за душу берет. Прямо вот так: «Уть-тю-тю... Уть-тю-тю...»

Надо же... А Павлушка-то, оказывается, романтик...

– Это ты про ту лужу? – уточнила Аллочка. – Ну где мы с тобой... Да?

– Это не лужа, это прудик, – обиделся Павлушка.

Так или иначе, но мы медленно продвигались в глубь парка. Народу вокруг было много. Обрадовавшись внезапно нагрывшему лету, резвились детишки, чинно прогуливались бабушки и дедушки, молодежь собиралась в разноцветные стайки. Все выглядело умиротворенно и невинно. Вот только парнишка в желтых очках упорно шел за нами. Хотя, может, ему тоже нравится прудик с птичками? Я незаметно наблюдала за ним. Невысокий, худенький, чуть сутулый – подросток? Двигается уверенно, но осторожно, почти плавно, стараясь не производить никакого шума. Значит, он занимается спортом или танцами. Или... или это вообще девушка? Непонятное какое-то существо.

Мы добрались до любимого Павлушкиного прудика. А что, место и впрямь оказалось красивым. Небольшой, неправильной формы водоемчик почти полностью окружали чуть тронутые первой зеленью заросли кустарника. Но в некоторых местах доступ к воде был свободен, и там, прямо на берегу, располагалось несколько лавочек. Мы подошли к одной из них.

– Девки, вы тут посидите, а мне отлить надо, – невинно сообщил Павлушка.

– Для таких нужд существует общественный туалет, – вспомнила я о своих непрямых обязанностях.

– Так его здесь нет, – резонно возразил мой подопечный.

– Тогда я с тобой.

– Чё? Тебе тоже надо?

– Нет. Я просто провожу тебя.

Аллочка тем временем плюхнулась на скамеечку и театрально расправила широкую юбку своего красенького платица.

– Ну, мужик, – восторженно протянула она, – ты попал на бабки!

А парнишка в желтых очках тем временем подошел к берегу и принялся спокойно наблюдать за плавающими по воде утками. Может, он следит не за Павлушкой, а за Аллочкой? Тогда это не мое дело. С ее мамой я договоров не подписывала.

– Я просто постою рядом, – сказала я Павлушке. – Не беспокойся, я отвернусь.

– Да мне, в общем-то, по фигу. Я не стеснительный. Пошли.

Мы немного отделились от нашей скамейки. Павлушка, производя шум продирающегося сквозь валежник медведя-шатуна, углубился в кустарник. Благодаря ярко-красному платью Аллочки мне было легко использовать ее в качестве ориентира и продолжать наблюдать за парнишкой в желтых очках. Но он по-прежнему не делал ничего особенного – присел на корточки, широко расставив колени, и смотрел на уток. Наверное, это все же парень, а не девушка. Надо будет потом попробовать рассмотреть его поближе.

Судя по характерным звукам, Павлушка покончил со своим занятием и теперь выбирался наружу. Но тут я, видимо, совершила ошибку. Увлечшись наблюдением за парнишкой в жел-

тых очках, я выпустила из виду остальное пространство. Впрочем, меня не стоит особо за это корить – кто же знал, что Павлушка окажется столь популярной персоной?

В тот самый момент, как мой подопечный, торжественно отряхиваясь от прилипших листиков, выбрался из кустов, к нему проворной тенью метнулась девушка. Я даже толком не успела понять, откуда она выскочила. Высокая, гибкая, затянутая в кожаные брюки и тонкую черную водолазку. Волосы цвета воронова крыла, длинные, густые и ухоженные. Красивое лицо – бледная кожа, точеные черты, чуть раскосые карие глаза. На вид – лет двадцать восемь. И по части специализации этой девицы у меня особых сомнений не было. Как говорится – «рыбак рыбака...»

Девушка проворно схватила Павлушку под руку и что-то прошептала ему на ухо. Я моментально подскочила к ним.

– Просто верни... – это были единственные слова девицы, которые мне удалось расслышать.

Я решительно влезла между Павлушкой и девицей и резким движением руки оттолкнула ее.

Девушка отпрыгнула, чуть присела. Слегка наклонила вперед корпус, правую руку отвела назад, согнула в локте, кисть сжала в кулак. Левую руку выставила перед собой ладонью вперед. Это не очень хорошо. Не для меня – для девицы. Если она без раздумий, с ходу принимает боевую стойку, это может означать только одно – нервная система девицы расшатана.

– Вот, значит, как... – злобно протянула она, сверля меня взглядом. Судя по этому взгляду, она тоже признала во мне «рыбака». – По-крупному решили сыграть? Не в те игры играете, сопляки. Не в то ввязались.

Она выпрямилась, опустила руки и, не спуская с меня глаз, добавила:

– Думаете, просто отделались? Знаешь, куколка, передай привет Лукасу и скажи, что все только начинается.

– Только Лукасу? – невинно улыбнулась я. Лучше пока изобразить дурочку. – А Копполе?

– Кто это?

– Режиссер «Крестного отца».

Девушка недоуменно сощурилась, задумалась на секунду. Потом фыркнула:

– Шутница, да? Очень не советую...

Она стремительно развернулась и быстро удалилась в глубину парка. Я бы даже так сказала – бесследно растворилась в лесной чаще. Остался только тонкий аромат дорогих духов.

– А кто это – Лукас? – поинтересовался у меня Павлушка.

– Джордж Лукас? Режиссер «Звездных войн», – пояснила я.

– И как мы передадим ему привет? Он же, наверное, за границей живет. Это далеко.

– Через Интернет! – гаркнула я. – Слушай, Павлик! Это лучше ты мне скажи, кто такой Лукас?!

– Режиссер «Звездных войн», – послушно ответил мой подопечный. – Правильно?

Я обреченно перевела дыхание.

– Ладно. Давай по-другому. Кто эта девица?

– А, эта... – Павлушка самодовольно и мечтательно улыбнулся. – Это моя бывшая. Хочет ко мне вернуться. Но я – кремень!

– Вот она?! – я сделала неопределенный жест в сторону дорожки, по которой удалилась загадочная брюнетка. – Твоя? Бывшая? Ты сам-то себя не насмешил?

– А чё? Да на меня бабы летят, как мухи на... это... Ну... Как это?..

– Давай лучше «как пчелы», – пришла я на помощь.

– Почему?

– Потому что тогда твою фразу можно будет закончить намного изящнее.

Павлушка старательно подергал бровями, подумал и наконец сказал:

– А, понял. Игра слов, да?

– Да, что-то в этом роде. Не уходи от темы. Кто эта женщина? И что ей от тебя нужно?

– Честно? Я не знаю. А почему ты не поверила, что это моя бывшая?

– Я тебе потом объясню. Что она тебе говорила?

– Чтобы я ей что-то отдал.

– Что именно?

– Я не понял, – тут Павлушка виновато отвел глаза. Я схватила его за руку и сильно сжала. Впрочем, с тем же успехом можно было бы сдавить ствол молодого клена.

– Не ври. Ты знаешь, о чем шла речь.

– Да не знаю я ничего! Я эту бабу впервые вижу! Может, она чокнутая?! Что ты меня допрашиваешь? Тебе мамка не за это платит! Пойдем лучше к Аллочке.

Почти стемнело. Аллочка послушно ждала нас на скамеечке. Несмотря на весьма скудную освещенность, она старательно красила губы.

– Ну чё вы там делали так долго? – протянула она, когда мы приблизились к скамейке.

– У Павлика диарея, – пояснила я, оглядывая берег. Парня в желтых очках уже не было. – Слушай, Аллочка...

– Ну?

– Тут парнишка мотался. В желтых очках. Не видела, куда он ушел?

– Юродивый-то?

– Почему юродивый?

– А чё он так вырядился? Как юродивый?

– Я не знаю, почему он так вырядился! Я просто спросила, куда он ушел.

– А чё, я тут подрядилась за юродивыми смотреть? – томно возмутилась Аллочка.

Изо всех сил сдерживая в себе желание прямо сейчас придушить Аллочку и выбросить ее трупик в прудик, я медленно повторила:

– Аллочка, тут был парнишка в желтых очках. Скажи мне, золотце, не видела ли ты, куда он ушел?

Аллочка вздохнула так тяжело, словно я попросила ее раз десять обежать вокруг пруда.

– Ну ладно, ладно. Он ушел сразу за вами.

– Куда он пошел?

– Сначала за вами. А потом куда-то делся. Я не следила за ним. На кой он мне сдался, юродивый такой?

Вот черт... Неужели мне все же предстоит работа телохранителя, а не работа гувернантки? Конечно, мне это гораздо привычнее, но надо все же сообщать заранее. У меня ведь даже оружия при себе не имеется.

– Тихо! – вдруг воскликнул Павлушка.левой рукой схватил меня за локоть, а указательный палец правой руки поднял вверх.

– Что случилось? – насторожилась я и стала чисто инстинктивно осматриваться вокруг. Вроде все спокойно. Хотя брюнетка в кожаных штанах явно была неплохим специалистом. Подкралась же она к Павлушке совершенно неожиданно прямо у меня под носом! С такой нужно держать ухо востро.

– Слышите? – лицо моего подопечного вдруг стало блаженным. – Птичка поет. Уть-тю-тю, уть-тю-тю. Евгеш, ты не знаешь, что это за птичка?

– Господи, как же я от тебя устала, – буркнула я, сбрасывая с себя Павлушкину лапищу. – Соловей это.

– Ну, мужик, – восхищенно проговорила Аллочка, – ты попал на бабки...

Мы еще немного погуляли по парку и засобирались домой. Юная парочка вела себя вполне пристойно и никаких попыток зачать внеплановое потомство не предпринимала. Павлушка наслаждался пением соловья, а Аллочка развлекала себя поочередно то нанесением

толстого слоя помады на свои полные губки, то произнесением странной фразы: «Ну, мужик, ты попал на бабки...»

Все это время, не забывая контролировать окружающее пространство, я напряженно думала. Что же такое происходит вокруг Павлушки? Что нужно этой нервной каратистке от моего подопечного? И кто этот загадочный парнишка в желтых очках? Хотя тот и не пытался вступить в прямой контакт, я ни на секунду не сомневалась в том, что он «пас» Павлушку. Или Аллочку? Нет, не Аллочку. Парнишка ведь ушел вслед за нами, а не остался с ней. Да, ушел за нами и бесследно растворился. А на смену ему из ниоткуда, словно чертик из табакерки, выскочила каратистка-неврастеничка и принялась требовать от Павлушки *нечто*. А Павлушка-то, похоже, даже и не предполагает, что вокруг него затеяна какая-то возня. Или предполагает? В какой-то момент, когда я приставала к нему с расспросами, он стыдливо отвел глаза. Значит, что-то все же скрывает.

А что же тетя Маша? Может, она в курсе каких-то непонятных делишек, в кои оказался замешанным ее драгоценный сынок? Может, она опасается, что он нечист перед законом, и поэтому, выгораживая сынка, наплела мне всяких нелепостей о необходимости следить за его нравственным поведением? А на самом деле ей нужен был именно телохранитель, а не нянька. В таком случае это весьма неразумный шаг с ее стороны. С телохранителем, как с врачом и с адвокатом, надо быть предельно откровенным. А то что же это получается? Я приступила к выполнению задания абсолютно неподготовленной. У меня не то что пистолета – у меня даже рогатки с собой не имеется. Нет, так дело не пойдет. Завтра же смотаюсь на свою потайную квартирку, где у меня хранится целый арсенал всевозможных спецсредств, и подберу самое необходимое. Ну, что же тут поделаешь? Договор на предоставление услуг телохранителя я подписала. Придется его выполнять.

Было около одиннадцати вечера, когда мы с Павлушкой, расставшись с Аллочкой на автобусной остановке, подошли к подъезду нашего дома. Мне безумно хотелось курить, но, памятуя о данном тете Маше слове не подвергать ее детей воздействию табачного дыма, я мужественно терпела. Ничего, может, перетерплю, а наутро вообще позабуду о пагубной привычке? Хорошо бы.

Около Павлушкиного подъезда было что-то вроде детской площадки. Как обычно это бывает, по ночам здесь собирались детишки самого что ни на есть старшего возраста. Вот и сейчас – на качелях сидели три девицы и непотребно громко гоготали, а в теремок набилось еще человек пять. Они на редкость шумно что-то обсуждали, из-под крыши клубами валил дым.

– О! – Павлушка остановился и принялся вглядываться в темноту. – Там вроде Митяй. Давай его с собой захватим. Младшенький все-таки. Беспокоюсь.

И Павлушка трогательно улыбнулся.

– Там Митюшка? – удивилась я.

– Ну да. С пацанами.

– Интересно, – моментально обозлилась я. – Между прочим, ваша мамочка слезно меня просила не подвергать вас воздействию табачного дыма. Я тут терплю из последних сил, а это что?

И я указала на обволакивающий детскую площадку дым.

– А что? – недоуменно уточнил Павлушка.

– Ничего! – фыркнула я. – Значит, в моей компании Митюшке табачный дым вреден, а в компании друзей – нет?

– Евгеш, ну чего ты опять раскричалась? Успокойся – это дым не табачный, – и Павлушка робко погладил меня по плечу.

От возмущения я не нашла слов и только молча уставилась на своего подопечного. Митюшка, оказывается, на досуге «травкой» балуется, а его старший брат при этом смотрит на меня с таким видом, будто ничего особенного не происходит? Впрочем, досуг младшего брата уж точно меня совершенно не касается.

В этот момент на детской площадке произошло какое-то движение. Из домика выбрался Митюшка собственной персоной. Не обращая на нас ни малейшего внимания, он вышел на проходящую вдоль дома дорожку, заложил левую руку за спину и, ритмично размахивая правой, принялся совершать скольльзящие шаги по асфальту. Лицо при этом у него было просто на редкость благочестивое.

– Что он делает? – поинтересовалась я у Павлушки.

– Да кто ж его знает? Сено, наверное, косит, – пожал плечами тот.

– Давай, забирай его, и пойдем домой, – устало распорядилась я. Да, в моей практике были случаи, когда мне и неделями приходилось прятаться от криминальных авторитетов, и целыми днями бегать, размахивая оружием. Но я еще никогда так не выматывалась, как за те несколько часов, что провела в компании юных оболтусов.

– Так ведь... поймать надо.

– Лови.

Павлушка послушно вышел на дорожку и крикнул:

– Эй, Митяй! Пошли домой. Мамка ужином накормит.

– Отвали. Я на рекорд иду, – небрежно бросил Митюшка, не прекращая своего занятия. Даже наоборот – скольльзящие шаги значительно ускорились, и теперь Митюшка почти бежал – насколько это было возможно.

– Ну и что теперь делать? – спросил у меня Павлушка.

Из теремка вылезла еще парочка ребят. Они принялись с интересом наблюдать за Митюшкой.

– Эй, – обратилась я к ним и указала на Митюшку. – Что он делает?

– Он конькобежец, – с видом знатока заявил один парнишка. – На рекорд идет.

– Вот черт, – проворчала я и сплюнула себе под ноги.

Митюшка же тем временем сделал красивый разворот в конце дорожки и теперь рассекал в нашу сторону. С противоположной стороны дорожки заехал автомобиль и уверенно приближался к нам.

– Стой! – заорала я Митюшке.

Никакой реакции. Честно говоря, за время моей практики я поднаторела в общении с «обкуренными» людьми. Поэтому я знаю – такие люди пребывают в какой-то собственной реальности, и чтобы хоть как-то достучаться до их сознания, нужно стать частью этой реальности. Конькобежец, значит...

Я подпрыгнула на месте и стала размахивать над головой руками.

– Стой, Митяй! Там песок! Песок! Дальше льда нет! – надрывалась я. – Ты упадешь!

Митюшка остановился как вкопанный и уставился себе под ноги. Надо же, действовало...

– Спасибо, – пробубнил он.

Мы с Павлушкой подскочили к Митюшке, взяли его с двух сторон под руки и завели на тротуарчик. Митюшка ступал важно и очень осторожно – видимо, боялся повредить несуществующие коньки.

– Да шагай ты по-человечески! – буркнул Павлушка и встряхнул брата.

– Не-а... Нельзя – коньки затупятся.

С трудом мы доволокли юного конькобежца до квартиры и втащили внутрь.

На пороге нас уже ждала счастливая тетя Маша. Ее дородное тело уютно окутывал мягкий махровый халатик фисташкового цвета. Воздух в квартире был пропитан чарующим ароматом только что испеченных пирожков.

– Пришли, мои сладкие! – восхитилась тетя Маша. – Давайте кушать скорее!

– Не, ма, я спать, – возразил Митюшка. – Устал очень что-то.

– Ой, бедненький, умаялся, – запричитала тетя Маша. – Сыночек мой! Ну, потом поешь.

Вместе с Павлушкой мы завели Митюшку в его комнату и уложили на кровать. Некоторые сложности возникли с тем, что Митюшка категорически отказался снимать несуществующие коньки. Так и улегся в кроссовках, свесив обутые в них стопы с кровати.

– Ой, а что же ботиночки-то не снял? – беспокоилась заскочившая в комнату тетя Маша.

– Ма, отстань, – сонно проворчал Митюшка. – Весь день на коньках катался – снять сил нет.

– Так давай я сама сниму.

– Не тронь. Они чемпионские. Еще повредишь, а их потом не заточишь...

– Сыночек мой, – восхитилась тетя Маша и прижала к груди руки. – На коньках катался...

Умаялся...

Она повернулась к нам. На ее лице царило умиление.

– Весь в маму пошел, – продолжила она. – Я и сама, по молодости, бывало, до полночи на коньках каталась...

Тут даже Павлушку пробрало.

– Ма, ты чё? – изумился он. – Тоже?..

– Да-да, мы ведь с отцом вашим на катке познакомились... Ах, – тетя Маша мечтательно закатила глаза, – как вспомню... Летишь, летишь... Словно уносишься куда-то, ног под собой не чувствуешь...

– Ма?.. – в голосе Павлушки обозначилась тревога.

– Успокойся, – прошипела я. – Она говорит именно про катание на коньках. Второй смысл не вкладывает.

Удивительно было то, что Павлушка меня понял. Но еще удивительнее было поведение тети Маши. Она что, вообще не замечает в своих сыночках никаких недостатков? Любит их слепой любовью, такой преданной и безоглядной, что готова поверить в катание на коньках жарким апрельским вечером? И увидеть эти самые коньки в обычных пыльных кроссовках? Это что же получается? Неужели слепая материнская любовь порой способна одурманить разум сильнее любого наркотика? Да, тяжелый случай. Но, по крайней мере, ясно одно – тетя Маша наняла меня именно как няньку, а не как телохранителя. Потому что если даже Павлушка и был бы замешан в криминальных делах, тетя Маша этого бы просто не заметила.

ГЛАВА 3

Мне все же нужно было переговорить с тетей Машей. Понятно, конечно, что она видит в своих драгоценных сыночках лишь невинных ангелочков, не способных не то что на преступления, а даже на самые обычные шалости. Но, может, ей все же доводилось наблюдать что-то странное, необычное, показавшееся ей подозрительным?

Оставив Митюшку в его комнате, мы все вместе пошли на кухню, ужинать. При Павлушке я не могла начинать расспросы, поэтому мне пришлось еще какое-то время молча наблюдать за тем, как в его бездонном желудке исчезают бесчисленные пирожки. Наконец он насытился, встал, оглушительно рыгнул и удалился в свою опочивальню. Мы с тетей Машей остались одни. Если не считать девочки Веточки, конечно. И первой расспросы начала именно тетя Маша.

– Ну, как погуляли? – спросила она.

– Нормально.

– Ну давай-давай, рассказывай, – тетя Маша уютно облокотилась на стол, и ее лицо обрело выражение заядлой сплетницы. – Видела кого из этих потаскушек? Много их там за Павлушкой волочилось?

«Да уж достаточно за один вечер, – подумала я. – Две точно, а третья под вопросом. Просто по той причине, что я не вполне уверена в ее половой принадлежности. Хотя ведь всякое бывает...» Но вслух я сказала иное.

– Да, он встречался с девушкой. Мы гуляли по парку. Между ними ничего такого не было.

– Это какая-какая? – заинтересовалась тетя Маша. – Рыжая такая, да? Сейчас угадаю... Нет, нет, наверное, такая черненькая, под мальчика стриженная, да?

– Нет, блондинка. Довольно симпатичная, хотя и слишком сильно накрашенная.

– Блондинка... Блондинка... – тетя Маша задумалась. – Да, вроде есть такая. Не помню, как звать.

– Аллочка.

– Да? Ну, может быть, может быть... А, да-да, припоминаю... Она еще все время странную фразу говорит. Про каких-то бабок.

– Да, – согласилась я.

– Кошмар! – всплеснула руками тетя Маша. – Это же самая противная из всех его барышень!

– Так вы ее все-таки знаете? Что это за девушка? – осторожно спросила я. В конце концов, вся эта возня вокруг Павлушки могла касаться и Аллочки.

– Да не знаю я толком! Так, видела пару раз, – похоже, тетя Маша искренне обрадовалась, что со мной можно сплетничать о невестах своего сына. – Но она же Павлушке совсем не пара! Согласись! Он умный, красивый парень, утонченный, интеллигентный... А она? Вот есть колхозница неграмотная, другого слова и не придумаешь...

Честно говоря, мне-то как раз показалось, что Павлушка и Аллочка просто созданы друг для друга. Но вслух я, естественно, говорить этого не стала.

– А где они познакомились? – продолжила я расспросы. – Может, вы случайно знаете?

– Ну, случайно, случайно... – тетя Маша сначала несколько смутилась, а потом принялась тараторить: – Девка эта тут неподалеку работает, в галантерее. Представляешь, колготками торгует! Это же до какой жизни нужно дойти, чтобы пойти колготками торговать! Торгашка!.. И мать у нее такая же шалава, без отца ее растила! А Павлушка мой... – в этом месте тетя Маша вроде бы даже всхлипнула. – Нежный, интеллигентный, воспитанный... Возвышенный. Из приличной семьи. Женечка, деточка, ты должна сделать все, чтобы разрушить этот неравный союз. Вот придет Лилечка – тогда и свадьбу сыграем.

Интересная женщина эта самая тетя Маша. Во-первых, на мой взгляд, торговать в магазине колготками все же лучше, чем просто сидеть на шее у матери. А во-вторых, хотя я лично ничего не имею против работников торговли, мне совершенно непонятно, почему тетя Маша саму себя не причисляет к этой славной братии? Но кое-что в ее обличительной речи мне показалось любопытным, и я осторожно спросила:

– Тетя Маша, вы так хорошо осведомлены о знакомых своего сына. Не сочтите меня грубиянкой, но позвольте мне задать вам один вопрос.

– Слушаю тебя, Женечка.

– Вы следите за своими детьми? – как можно небрежнее спросила я.

– Ой, ну как ты могла такое подумать! – всплеснула руками тетя Маша. – Да ну господь с тобой!

– Откуда вы знаете, что Аллочка работает в галантерее?

– Так случайно мимо проходила, в окно глянула – а там Павлушка с этой чувырлой шепчется! И она за прилавком стоит, чучело крашеное, будь оно все неладно! – тетя Маша явно призывала меня разделить с ней весь ужас сложившейся ситуации. Но вместо этого я задала ей еще один вопрос:

– И из этого вы сделали вывод, что Аллочка выросла без отца?

– Ой... – тетя Маша кокетливо стрельнула в меня глазками, подхватила с пола девочку Веточку и принялась усиленно ее наглаживать. – Ну каюсь-каюсь, зашла я потом в этот магазин, с продавщицами побалакала – они мне и рассказали все. И про мать-одиночку, и про то, что Алка эта за городом, в деревне живет.

– И про то, что Аллочка постоянно произносит странную фразу, вам тоже сообщили ее коллеги, да?

– Ой... Ну это вот...

– Да говорите как есть, – подбодрила я тетю Машу. – Я вас понимаю – вы волнуетесь за своих детей, поэтому подвергаете их некоторому контролю со своей стороны. Все правильно.

– Да какой там контроль! Просто домой как-то поздно возвращалась, а они прямо у подъезда на лавочке сидят, любезничают. А что мне оставалось делать? Я и послушала немного, пока они меня не заметили.

– И что вы слышали?

– Вот честно? – тетя Маша освободила от девочки Веточки правую руку и прижала ее к сердцу. – Вот честно – ничего не поняла. Слышно плохо было.

– Очень хорошо, – искренне заверила я. – Мне нравится, что вы так внимательно относитесь к воспитанию своих детей. Поэтому – для нашего общего дела – я задам вам еще несколько вопросов. Скажите, а чем Павлушка обычно занимается на досуге? Кто его друзья, каков круг его интересов?

Как ни странно, но именно этот вопрос оказался для тети Маши необычайно сложным. Она тщательно морщила выщипанные в ниточку бровки, задумчиво опускала уголки губ и медленно покачивала головой. Но никаких толковых ответов я так и не услышала.

– Да ничем особенным он не занимается, – вымолвила, наконец, тетя Маша. – Ищет себя, что я могу еще сказать?

– Кто его друзья?

– Друзья? Ну вот Алка эта, будь она неладна, потом та, рыженькая... Впрочем, я давно ее не видела...

– Нет-нет, не девушки. Друзья – парни.

– Ну, Митюшка... Павлушка Митюшку знаешь, как любит? И тот его тоже. Сыночки мои ненаглядные... А друзья... Да нет, не знаю. Может, и нет никого, – и тетя Маша виновато пожала плечами. – Да и зачем им друзья? У них мама есть. А мама – лучший друг.

Все ясно. Тетя Маша была так увлечена отпугиванием потенциальных невест, что на друзей сыновей у нее попросту не хватало сил. Ну понятно, они-то не представляли опасности для ее семейного бюджета.

Тут щелкнул замок на входной двери. Потянуло холодком, девочка Веточка с истеричным воем сорвалась с колен хозяйки и помчалась в коридор.

– Мой пришел, – недовольно проворчала тетя Маша. Поднялась из-за стола и принялась собирать грязную посуду. – Работает, работает чуть не до утра, а толку – пшик. Вот спроси – зачем такой нужен? А я ведь даже и ответить толком не смогу.

В кухню зашел невзрачный мужичонка в старой джинсовой курточке.

– Привет, Мань, – тихо обратился он к тете Маше. – Есть чего-нибудь поесть?

– Чего, холодильника не видишь? – фыркнула тетя Маша. – Достань кастрюлю да разогрей! Аль без рук?

– Ну не кричи, не кричи. Сейчас разогрею, – тут мужичонка заметил меня. – Здравствуйте. Мы ведь не знакомы?

– Нет. Но это легко исправить, – я приветливо улыбнулась. – Женя. Я гувернантка вашего старшего сына.

– Толковая мысль, – одобрил мужичонка. – Гувернантка ему точно не помешает. Я его отец, Георгий Александрович.

И он протянул мне руку. Мы обменялись рукопожатием. Я внимательно пригляделась к Георгию. Невысокий, сухонький мужичок. Обветренная кожа, морщинки, чуть наметившаяся лысинка. Голубые глаза – яркие и добрые. Тяжело ему, наверное, приходится в этом семействе. Впрочем, это совсем не мое дело.

– Все, хватит церемоний! – заявила тетя Маша. – Нам спать пора. А ты тут можешь есть, только посуду помыть не забудь.

Мы вышли из кухни.

– Тетя Маша, – сказала я. – Мне завтра с утра отлучиться надо будет. Но к десяти утра я вернусь.

– Да ради бога.

Утро я потратила на то, чтобы наведаться в свою потайную квартирку. Там у меня хранится арсенал всевозможных спецсредств, которые могут пригодиться в работе телохранителя.

Первая сложность состояла в том, что на этот раз мои клиенты и не подозревали, что я должна их охранять. Второй сложностью было то, что хранить нужные мне предметы было негде. В квартире тети Маши мне выделили лишь небольшую тумбочку, и у меня не было никаких гарантий, что хозяйка дома не полюбопытствует в мое отсутствие о характере ее содержимого. Конечно, кое-что я могла бы держать в своем «Фольксвагене», но это довольно рискованно. Меня не слишком обнадеживали нравы местной молодежи. Такие могут вскрыть чужую машину и просто так, из спортивного интереса. Поэтому я довольно тщательно отбирала то, что может мне пригодиться. Чтобы обойтись, так сказать, минимумом.

Для начала я остановила свой выбор на автоматическом пистолете. Подумав, добавила к нему еще один, такой же. Если придется воспользоваться оружием в лесистой местности, где очень сложно точно прицелиться, стрельба «по-македонски», то есть с двух рук одновременно, может быть хорошим выходом из положения. Еще я взяла арбалет с лазерным прицелом – громоздкое, но зато мощное и абсолютно бесшумное оружие. Любимый атрибут киллеров-романтиков женского пола. Естественно, я захватила необходимый боезапас ко всему оружию.

Теперь осталось выбрать себе одежду. Согласно предписанному мне имиджу гувернантки, я должна одеваться строго. А под такой одеждой невозможно спрятать оружие. Пофантазировав немного, я остановилась на следующем варианте. Жакетик останется на месте, а юбку все же следует надеть посвободнее. Идеальным вариантом стала юбка из шотландки – в

широкую складку и с запахом. А под такую юбку можно надеть узенькие шортики, которые выручат меня в том случае, если от юбки придется избавиться. И избавиться от юбки будет просто – она держится на одной пуговице – расстегни, и юбка упадет. Пистолеты же крепятся в специальных кобурах прямо к ногам, сантиметров на двадцать выше колен. В этом случае свободно ниспадающая юбка практически не будет их касаться, и наличие оружия никак не отразится на моем общем силуэте.

Я взяла две таких юбки. Одну в черно-красную клетку, другую в сине-зеленую.

Поразмыслив, я прихватила две пачки сигарет и зажигалку. Мало ли... Вдруг невольготу станет?

Перед выходом из квартирки я остановилась. Может, еще что взять? Очень сложно понять, что именно мне может понадобиться, если я пока толком не знаю, с чем или с кем имею дело. Ладно, буду действовать по обстоятельствам. Я заперла дверь и вернулась к своему «Фольксвагену». Сунула в багажник юбку, а также замотанный в фетр арбалет и поехала обратно.

Похоже, моего отсутствия никто не заметил. Тетя Маша, видимо, опять поехала на свой рынок, Георгий был на работе, братишки спали. Я наскоро спрятала в тумбочке пистолеты, бережно развесила на вешалке свою «маскировочную» юбку-шотландку и переоделась в домашний халатик. Потом решила скоротать время за книжкой и провела за чтением несколько часов.

Часам к трем дня хозяйка вернулась, а Павлушка с Митюшкой, шумно вздыхая и зевая, выбрались из своих комнат. Мимолетно я отметила, что от конькобежных кроссовок младший брат все же избавился.

На шум выскочила девочка Веточка и принялась радостно скакать вокруг тети Маши.

– Ну, сладенькие мои, – умилилась хозяйка, – все проснулись? Сейчас завтракать будем.

Вообще-то, мне очень нужно было переговорить с Павлушкой. Ну не может же он быть настолько законченным болваном, чтобы не понимать, что та нервная брюнетка из парка имеет к нему какие-то существенные претензии? Только мне никак не удавалось остаться со своим подопечным наедине. Не могла же я устраивать ему допрос с пристрастием в присутствии тети Маши и младшего брата? Вся надежда была на то, что ближе к вечеру Павлушке опять захочется прогуляться. Вот тогда и поговорим.

– Женечка, – обратилась ко мне хозяйка. – Пойдем, пошушукаемся.

Я пошла вслед за тетей Машей в ее спальню. Хорошо живет хозяйка. Правда, со вкусом у нее явно беда, зато с деньгами точно проблем нет. В центре спальни возвышалась огромная позолоченная кровать под ярко-синим расписным балдахин. Кровать покоилась на витых ножках, а балдахин поддерживали резные столбики.

Тетя Маша подошла к стоящему возле окна туалетному столику. Столик также был позолоченным и также покоился на витых ножках. Рядом возвышалась статуя голого крылатого мальчика. Разумеется, позолоченного. Хозяйка открыла ящичек стола.

– Вот, Женечка, хочу тебе аванс выдать. Чтобы интерес был.

– Аванс – это хорошо, – согласилась я, подходя поближе.

Тетя Маша отсчитала определенную сумму и протянула мне. Я приняла деньги и машинально заглянула в ящичек. Уж больно ярко там что-то переливалось и сверкало. Хозяйка заметила мой взгляд, самодовольно улыбнулась и вынула ни много ни мало, а настоящее бриллиантовое ожерелье. Тетя Маша кокетливо приложила его к своей груди.

– Красота, да? – сказала она. – Бриллианты чистейшей воды! Эх, жизнь все же поганая у меня!

– Почему? – изумилась я столь нелогичному выводу.

– А что толку-то? Ну, бриллианты. А куда мне в них выйти-то? То есть выйти-то есть куда, только с кем? С заморышем, что ли, с Гошкой? Ну, ты видела вчера Гошку-то? Ты только представь – я в бриллиантах, и Гошка этот недоделанный рядом мотается. Стыд-то какой! Ох, не послушала я тогда мать свою, вышла за него, теперь вот страдаю. И что это значит? Это значит, что маму всегда надо слушать. Мама плохого не посоветует, – и тетя Маша спрятала бриллианты обратно.

Подумала немного, вытащила из ящика еще какую-то вещицу и протянула мне:

– Женечка, знаешь... Я тут подумала... На, возьми. На всякий, так сказать, пожарный... Мало ли. Мы, женщины, всегда должны быть во всеоружии.

Я машинально приняла вещицу. Им оказался небольшой баллончик с газом «анти-дог». Объяснять тете Маше, что я, в некотором роде, уже вооружилась, я не стала. Поэтому просто поблагодарила и сунула баллончик в карман халата.

Мы перебрались на кухню. Тетя Маша быстро заставила стол всевозможными блюдами, и все семейство, за исключением отсутствующего Георгия, приступило к еде.

Девочка Веточка, первой покончив со своей порцией, проворно шмыгнула под стол. Я уже приготовилась к очередной атаке псины, но ничего такого не произошло. Теплый, спутанный комок, натужно кряхтя, просто возился подле моих ног. Я была несколько озадачена подобным поведением девочки Веточки. Однако загадка странных действий пуделихи быстро разрешилась – моим ногам вдруг стало тепло, а из-под стола разнеслась ни с чем не сравнимая вонь.

Я поспешно вскочила со стула и приподняла скатерть. Так и есть. Хорошо, хоть мои домашние тапочки не пострадали.

– Тетя Маша! – воскликнула я. – У Веточки... диарея.

– Фу!.. – возмутились братишки, тоже выбрались из-за стола и, не вникая в подробности, разошлись по своим комнатам.

– Ой, бедная девочка, – испугалась тетя Маша. – Как тебе досталось!

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я не испачкалась, – заверила я.

Тетя Маша подняла на меня удивленные глаза.

– Да я и не беспокоилась. Веточка, девочка, так страдает. Поносик у девочки, у маленькой... Ути, моя сладенькая, – тетя Маша нагнулась к пуделихе. Та, видимо, усмотрела в этом акт агрессии и стремительно умчалась в глубь квартиры.

Тетя Маша выпрямилась и смерила меня весьма недовольным взглядом.

– Женечка, я, конечно, понимаю, ты не виновата. Но для Веточки... Ей очень тяжело переносить присутствие малознакомого человека в своей квартире. Это у нее на нервной почве стряслось. Бедная девочка...

Митюшка тем временем заглянул в кухню и небрежно бросил:

– Ма, там Ветка у тебя в спальне тоже наделала... Воняет...

– Ой, – всплеснула руками тетя Маша. – Надо бы ее выгулять. Сейчас, моя сладенькая.

И хозяйка отправилась разыскивать девочку Веточку в недрах квартиры. Я тоже вышла из кухни. Надеюсь, тетя Маша не считает, что в мои обязанности должна входить уборка собачьих «оплошностей»? Потому что этим я совершенно не собираюсь заниматься.

В холл я вышла вовремя. Павлушка, в полном облачении, стоял возле входной двери и держался за ручку с явным намерением потихоньку улизнуть.

– Ты куда это собрался? – возмутилась я.

Павлушка испуганно дернулся и обернулся:

– Ну, Евгеш... – занудил он. – Ну мне по делу надо.

– Так без проблем, – лучезарно улыбнулась я. – Сейчас я переоденусь и с удовольствием составлю тебе компанию.

– Ну, Евгеш... Я же не маленький...

– Слушайся учительницу! – бросила пробегающая мимо нас тетя Маша. К груди она прижимала девочку Веточку. – И меня подождите, вместе пойдем.

Павлушка демонстративно тяжело вздохнул и плюхнулся на стоящий возле входной двери пуфик.

Надеясь, что мой подопечный не рискнет перечить матери, я стремглав рванула в свою каморку и принялась поспешно переодеваться. Конечно, я искренне надеялась, что оружие мне не пригодится. Но, закрепив на теле пистолеты, я ощутила, что с ними мне, безусловно, спокойнее. Поразмыслив, я – скорее из каких-то мстительных чувств, нежели исходя из здравого смысла – сунула в карман жакета и баллончик с противособачьим газом.

Покончив со своим туалетом, я выбежала в холл. Павлушка смирно сидел на пуфике.

– Ух ты! – оценил он мой обновленный черно-красной клетчатой юбкой облик. – Ты теперь совсем как эта, Мэри Поппинс, вот.

Через несколько минут мы, все четверо – то есть тетя Маша, Павлушка, девочка Веточка и я, – спустились во двор.

Девочка Веточка моментально пристроилась под ближайшим кустиком. На детской площадке, возле уже знакомого мне теремка, кучковалась какая-то молодежь.

– Я пойду пацанам пару слов кину, – виновато пробасил Павлушка. – Ща вернусь.

– Иди, детка, иди, – милостиво разрешила тетя Маша. Девочка Веточка тем временем, покончив со своими делами, устремилась дальше в кусты. Поводок, пристегнутый к ее ошейнику, представлял собой рулетку, и теперь эта рулетка стремительно раскручивалась. Метров десять, не меньше.

Я обернулась в сторону Павлушки. Рядом с ним стояли два парня, и все они довольно оживленно беседовали. Потом один из парней кивнул, зашел за домик и выкатил из-за него мотоцикл. Во мне моментально проснулись самые нехорошие предчувствия.

– Эй, Павел! – крикнула я, кидаясь к нему. – Ну-ка вернись!

Девочка Веточка несказанно обрадовалась моим действиям. Залилась счастливым лаем и бросилась в сторону Павлушки. Длиннющий поводок, весело шурша прошлогодней листвой, волочился вслед за ней.

– Женечка, ну что ты так нервничаешь? – удивилась тетя Маша. – Павлушка ведь просто с мальчиками беседует. Девочек же там нет. Ой, Веточка, что ты делаешь?

Пуделиха, услышав свое имя, передумала преследовать Павлушку и побежала к хозяйке. Сделала она это настолько стремительно, что я не успела среагировать и мои ноги оказались запутанными в поводке.

– Уберите собаку! – довольно бессмысленно выкрикнула я.

– Ты моя девочка! – восхитилась тетя Маша. – Как же ты любишь свою мамочку!

Получив неоспоримое одобрение своих действий, девочка Веточка принялась воодушевленно носиться вокруг, окончательно стреножив нас с тетей Машей своим поводком.

Обладатель мотоцикла тем временем надел шлем, порычал мотором и устроился на сиденье. Павлушка невозмутимо сел сзади и трогательно обхватил водителя за талию. Если честно, зрелище это было весьма комичное – я на трехколесном велосипеде смотрелась бы гораздо гармоничнее, чем огромный Павлушка на мотоцикле. Но мне было не до смеха – мотоцикл, подняв облако сизого дыма, стремительно исчез, унося моего подопечного в неизвестность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.